

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ ГОРЫ ЯЛБАК-ТАШ. СТРОКА XXIV

Кызласов И.Л.

“...многие Слушатели пребывают в миру,
ходят в заблуждении и греховности,
до того как примут веру Божью”.
(*Кефалайя: 224, 21-26*)

Результаты эпиграфической поездки по Горному Алтаю, организованной Институтом алтаистики им. С.С. Суразакова в июле 2003 г., позволяют мне ныне дополнить новыми данными сводное издание рунических надписей, нанесенных в раннем средневековье на скалу горы Ялбак-Таш в устье Чуи (см. Кызласов И.Л., 2002, с. 57-152; 2003). Не дожидаясь окончания обработки прочих материалов, публикую здесь полностью завершённое исследование ранее не во всем понятной мне строки XXIV.

Очередное изучение подлинника убедило в точности восприятия надписи в 1994 г. (Кызласов И.Л., 2002, рис. 32, 2). Твердо установленный состав знаков (рис.1) позволяет транслитерировать их следующим образом:

1 4 # 1 :) 6 Y | s²(\$²)ögn¹ a(a)zöq(uq)a(a).

Разбивка строки на две словесные группы, произведенная в самой надписи ясно вырезанным словоразделительным знаком-двоеточием, способствует прочтению лаконичного текста.

Транскрипция: s(e)cg(a)n1 : azuq

Перевод: (Я -) заблудший, отыскивающий (истинный путь,) (написал это).

Разбор

1-4. Этими знаками начертано общевременное причастие на -gan от глагола sec- “выбирать, отбирать” (ДТС, с. 494).

5,9. Словоразделительная отметка-двоеточие (знак 5) сочетается в надписи со специальным знаком окончания текста - не имеющей при таком употреблении фонетического значения и потому не читаемой руной a/a (буква 9).

6-8. Этими рунами записано именное образование от глагола аз- “сбиваться с пути, терять дорогу” в его переносном значении “заблуждаться, совращаться; ошибаться” (ДТС, с. 72). *Aziq* чаще служит прилагательным в смысле “заблудший, грешный” (ДТС, с. 74).

Палеография

За исключением вертикального направления строки снизу вверх, объединяющего ее со многими другими руническими граффити горы Ялбак-Таш, надпись не содержит явных примет енисейской письменности. Знакомство ее автора с классической рунической манерой письма проявляется в применении словоразделителя-двоеточия, нередко противостоящей на Алтае местной традиции употреблять как знак препинания только лишь руны *ᚦ* а/а.

При сравнении с конечной в строке буквой *ᚦ* а (руна 9) курсивное, свойственное рукописям написание той же руны *ᚦ* а в составе второго слова (знак 6), затруднившее меня в прошлом при прочтении надписи (Кызласов И.Л., 2002, с. 134-136), указывает на одновременное владение писцом как монументальным, так и беглым почерками, различавшимися по облику составлявших их письменных знаков. Подобное явление отмечено ранее и на одной из енисейских эпитафий – стеле Означенное II (E 104) из Хакасии. Три первых (правых) строки на ее лицевой грани были выведены прямолинейными рунами-резами, а две последующих (левых) – курсивными буквами иных очертаний (Кызласов И.Л., 1994, с. 147, рис. 12).

Навыки курсивного письма проступают в строке Ялбак-Баш XXIV и в облике руны 3 (*ᚨg*), и, особенно, во внешности знака 8 (*ᚦuq*). Вершина этой буквы не стреловидна, как в иных камнеписных текстах, завершающая ее черта горизонтальна и плавно понижается только в правой части. Подобную форму, образованную одной прямой линией, встречаем в енисейской наскальной надписи *Togus as II* (E 38/2, Хакасия), выполненной черной тушью (там применен перевернутый вариант этого рунического знака - *ᚦ*), а также (с загнутыми краями поперечины) - в выведенной красной тушью второй строке текста на скале *Kök hax* в Хакасии. Обе разновидности встречают аналогии в рунических рукописях из Дуньхуана и Турфана (Кызласов И.Л., 1994, с.148, 149, рис.13, 2, 14; 1998, с.76, 77, рис.2).

Орфография

С местным алтайским написанием наше граффито роднит специальный знак окончания текста *ᚦ* (руна 9), лишенный звукового значения. Явным орфографическим огрехом является применение в изучаемом наскальном тексте буквы *ᚦ* для твердого *n* (руна 4) в написании мягкого аффикса *-gan*. В этом проступает нетвердое

познание рунического правописания, присущее резчику наскальной надписи. Показательно, что такое отклонение от енисейской грамоты допущено много писавшим, судя по оговоренной выше курсивности ряда знаков, средневековым автором.

Надпись содержит и другое свидетельство особой образованности ее создателя. Прочтению лаконичного текста поначалу мешал не один только незнакомый рукописный облик руны 6 (𐌶), но и необычность самого ее применения в этой позиции. Дело в том, что широкий негубной гласный на правильном руническом письме обозначался только в открытом конечном слоге слова (см., например, здесь особенности написания слова *sesgan* – руны 1-4). Даже при нарушающей рунические нормы полногласной орфографии, сложившейся под влиянием правописания собственно манихейской (сирийской) письменности, в рунических памятниках знак для а/а по большей части не писался ни среди слова, ни в первом слоге (Кызласов И.Л., 1997, с. 170-172; 1999, с. 93).

Рис. 1. Ялбак-Таш, надпись XXIV. Прорисовка автора.

Однако особенно показательным является то, что в персоязычных манихейских рукописях, также как и в редких орхонских манускриптах из манихейских общин Восточного Туркестана мы встречаем последовательное применение алфавитного принципа письма, требовавшего обозначения всех гласных слова (Кызласов И.Л., 1997, с. 172, 173; 1999, с. 93). Именно такое несвойственное рунике написание гласного а в абсолютном начале слова *aziq* отличает изучаемую строку Ялбак-Таш XXIV от иных наскальных надписей. Эта орфографическая особенность краткого текста позволяет полагать, что его автор был знаком с согдо-манихейским алфавитным письмом и с возросшей на его основе особой манихейской рунической орфографией.

Исторический комментарий

Переходя к анализу содержания строки XXIV, следует сказать, что перед нами, как и во многих других случаях наскальных начертаний, послемолитвенная запись. Она характеризует своего автора не только как осознавшего собственную греховность, а значит, и раскаявшегося верующего, но и, по моему мнению, дает возможность ощутить важные общие особенности духовной жизни южносибирского общества в условиях внедрения в него манихейской религиозной идеологии.

До сих пор заплутавшие, потерявшие дорогу люди были образами енисейских эпитафий. В этих надгробных надписях, судя по содержанию строки 5 стелы Уюк-Аржан (Е 2, Тува), “сбиться с пути означало “уйти из жизни” (Кызласов И.Л., 1998а, III, с. 70, 71). Однако фигура духовно заблудшего, не знающего Истину человека была, исходя из текстов, свойственна и манихейству. Это хорошо соотносится с доктриной земного выбора между окружающими человека беспрестанными проявлениями Добра и Зла, Света и Тьмы. Понятия пути истинного и пути ложного существовали среди главных догм манихейства. Так, в трактате “Кефалайа”, собравшего основополагающие речи, приписываемые самому Мани, глава 90 специально повествует “О пятнадцати дорогах, и как Слушателю избежать того, чтобы его достояние пошло тремя дорогами в геену” (1998, с. 234-237). И речь здесь идет о манихеях-мирянах.

Сложно решить, был ли автор нашей надписи верующим-мирянином (слушателем, как они назывались среди манихеев) или монахом-праведником (избранником). Кажется бы, определение сесган “выбирающий”, т.е. духовно ищущий, отыскивающий истинное, скорее, позволяет увидеть в нем религиозного мыслителя, монаха. Однако одного этого довода недостаточно для решения вставшего перед нами вопроса. Нельзя забывать, что сознательный выбор между добром и злом манихейство возлагало на каждого своего приверженца, тем самым, требуя от него способности постоянной морально-этической оценки всего происходящего и совершаемого.

Мне кажется, что узнать положение, занимаемое в манихейской общине автором изучаемой надписи, помогают отмеченные особенности его почерка и орфографии. Применение в резной надписи курсивно-рукописного знака а, да к тому же в начальной позиции, выдает, пожалуй, человека не только постоянно и много писавшего, но и книжника, знакомого с разноязыкими религиозными текстами. И хотя манихейство упорно распространяло грамотность среди всех своих адептов, а переписка священных книг считалась благим делом и поощрялась среди рядовых верующих, все же именно избранники чаще прочих были писцами (Кефалайа, 1998, с. 33, 34, 412) и на них лежал груз перевода священных текстов на иные наречия и письма.

Понятия, применяемые в надписи Ялбак-Таш XXIV, позволяют, по моему мнению, почувствовать и некоторые иные особенности, существовавшие в местном обществе в раннюю пору южносибирского манихейства.

По вероучению Мани заблуждение составляло изначальное свойство, присущее Мраку и отличающее все ложное (как Свету принадлежит абсолютное знание). Заблуждение души человеческой вызывается воздействием темного, связанного с бренным и материальным миром. Силами Мрака, ради удержания людей в незнании, создаются несправедливые религии, учения, построенные на греховных законах. Человечество впадает в заблуждение всякий раз, когда очередной основатель Истинной Веры удаляется от мира, его учение деградирует и, в конце концов, превращается в лжеучение. Назначение манихейства – в четвертый и последний в истории раз избавить людей от незнания, извращающего Высшую Истину, развеять заблуждения, привести к Разуму света. В трактате “Кефалайа” многократно идет речь о заблуждении в указанном смысле (1998, с. 405, 419, 482). На листах 21 (строка 18), 30 (15), 33 (30), 117 (29), 160 (14), 163 (14, 25), 225 (8, 9), 232 (10) называется именно “учение заблуждения”, “Закон греха” (28, 31).

При учете всего этого заблудший (azuq) автор нашего граффито вполне может восприниматься обратившимся к учению Света недавним сторонником иного учения, предшествовавшего на Саяно-Алтае распространению манихейства. Такое восприятие, как думается, поддерживается содержанием другой ялбакташской строки (V): t(e)g(g)(a)n (a)t(a)m (e)n(i)n – “Обретенный мой Отец, снизойдите (до меня)!”. Она также выглядит молитвой новообращенного манихея (Кызласов И.Л., 2001, с. 247; 2002, с. 78-80). Мне уже доводилось публиковать материалы, заставившие увидеть глубокую древность и, что особенно важно ныне, былую корпоративную консервативность и сакрализованную замкнутость применения енисейского и, глядя ретроспективно, доенисейского проторунического письма (Кызласов И.Л., 1998 а; 1999 а, с. 115). Письменность эта принадлежала неуловимому пока по другим историческим источникам жреческому сословию. Само заимствование и культовое применение рунической письменности манихейской церковью ясно указывает на предшествующую VIII веку освященность этого древнего письма у тюркоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии.

Можно заключить, что сибирское манихейство прибегло к енисейскому письму не только ради доходчивости пропагандисткой деятельности в местных условиях, но и сумело опереться на его авторитет, привлечь к себе его местных носителей – жречество неведомого сегодня древнехакасского вероучения. Об этом говорит также, на мой взгляд, приход енисейского письма на прежде немые надгробные стелы: эпитафии уже в манихейскую эпоху южносибирской истории создавали прежние служители векового погребального культа (Кызласов И.Л., 2002а; 2003а).

Так или иначе, но существование доманихейской религии, пользовавшейся енисейским руническим письмом, ныне представляется весьма вероятным. Это означает, что древняя неведомая нам вера имела и свое Писание. С ним и с литургической практикой, надо думать, и был связан тот хорошо выработанный наднациональный литературный язык, который в равной мере присущ памятникам енисейского и орхонского алфавитов. Письменное руническое койне отличалось от разговорных языков тюркс-

ких народов Южной Сибири и Центральной Азии того времени. Это была освященная традицией культовая речь, *Lingua Sacra*, объединявшая книжников восточно-тюркского мира уже на заре средневековья.

Если русское слово “язычник” понимать как “изустник”, т.е. как духовную фигуру, не применяющую в культе письменность и этим противостоящую верующим в записанное божественное Учение, то современному историку уже не следует ни воспринимать, ни называть ранний, предшествующий VIII веку период средневековья языческим, как и относить к язычникам тюркоязычное население Саяно-Алтайского нагорья той отдаленной эпохи.

Отыскать следы раннего вероучения, вероятно, означает определить ту духовную среду, с которой связано появление в тюркоязычном мире азиатского (орхонского и енисейского) рунического письма.

Литература

1. Кефалайа (“Главы”). Коптский манихейский трактат. Перевод, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. - М., 1998.
2. Кызласов И.Л. Рунические письменности Евразии. - М., 1994.
3. Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии (Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // *Acta Orientalia*. - Budapest, 1997. - Т. L. - Fasc.1-3.
4. Кызласов И.Л. Калям на Енисее (Чернильная руническая надпись из Хакасии) // *Татарская археология*. - 1998. - ?2.
5. Кызласов И.Л. МРИТ II и III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. - 1998а. - ?1 и 2.
6. Кызласов И.Л. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // *Вопросы тюркской филологии*. - М., 1999. - Вып.IV.
7. Кызласов И.Л. МРИТ IV. Образованность в эпоху рунического письма // РА. - ?4. - 1999а.
8. Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // *Древние цивилизации Евразии. История и культура*. - М., 2001.
9. Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Ч.1. Памятники енисейского письма. - Горно-Алтайск, 2002.
10. Кызласов И.Л. Енисейское письмо и ранняя история религии Сибири // *Тюркские народы*. - Тобольск-Омск, 2002а.
11. Кызласов И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып.1. Енисейские надписи горы Ялбак-Таш (Горный Алтай). - М., 2003.
12. Кызласов И.Л. Роль религии в развитии письменности: енисейские рунические надписи // *Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии*. - Бишкек, 2003а.